

Рагимов И.М.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.68.122-138

УДК 343.9

Прогнозирование и проблемы назначения наказания

Аннотация: Современная жизнь и уголовная политика требуют снятия, хотя бы даже частичной, с судей обязанности соразмерения наказания с совершенным преступлением. Разрешение это имело бы своим последствием глубокий и весьма важный переворот во всех областях уголовного права, вызвало и обеспечило бы плодотворную борьбу с преступностью.

Ключевые слова: наказание; прогнозирование; приговор; суд; осужденный; неопределенность.

Отсутствие теоретически правильных и практически проверенных ответов на вопрос: каким образом познать будущий результат своего решения, приводит, в конечном счете, к тому, что наши суды допускают ошибки при определении меры наказания. Ввиду того, что суд оказывает на судьбу лица, совершившего преступление, такое влияние, какое никогда и никто за всю его жизнь не оказывал, общество вправе требовать от органа правосудия предвидеть - какое необходимо оказывать карательно-воспитательное воздействие на то или иное лицо и какое, действительно, воздействие окажет приговор на осужденного в течение того времени, к которому он его осудил. Следует также подумать и о том, достаточно ли такое наказание для удержания других членов общества от совершения преступлений. Следовательно, определяя вид и размер назначенного наказания, суд тем самым обязан дать не только конкретную оценку степени общественной опасности преступления и личности преступника, но должен сделать конкретный вывод о том, что определенного им видом и размером наказания объекта карательно-воспитательного воздействия будет достаточно для достижения цели предупреждения преступлений, как со стороны самого осужденного, так и со стороны других людей. Это означает, что судебное решение о наказании предназначено для будущего. Вот в этом и заключается прогностический аспект назначения наказания, поэтому решение суда следует рассматривать как вероятностное логическое суждение, т.е. прогнозирование.

Лайош Надь пишет: «Назначенное наказание - это прогноз, силлогизм, выведенный из существующих в данное время причин в отношении последствий, которые должны наступить в будущем, предвидение того, что назначенное в настоящем наказание в будущем приведет к осуществлению его цели, а именно - обеспечит исправление осужденного и предостережений членов общества от совершения преступления» [16, с. 120].

Прогностическая сущность приговора состоит в том, что целью наказания является не покарать преступника, а добиться того, чтобы удержать его и остальных членов общества от совершения преступлений. Поэтому при решении вопроса о назначении наказания, т. е. при

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

выборе вида и размера наказания, суд исходит, прежде всего, из того, что наказание содержит не то, что есть, а то, что должно быть. Лайош Надь совершенно правильно подчеркивает: «Хотя наказание назначается на основе фактов, соответствующих действительности, с соблюдением требований закона и справедливости, оно является лишь выводом о будущем, прогнозом, сделанным с большей или меньшей точностью и, в конечном счете, имеющим вероятностный характер. Вывод здесь осуществляется путем движения от причин (факторов личности, среды и т. д., вызвавших преступное деяние) к следствию (эффективности примененной санкции)» [16, с. 129].

Сколь бы ни был обширен информационный материал, на основании которого суд принимает окончательное решение относительно наказания, все же важная роль, вследствие прогностического характера этой проблемы принадлежит вероятностным элементам при определении эффективности уголовного наказания. Отмеченное значение вероятностных элементов может быть пока лишь ограничено, но не исключено полностью. Итак, для того, чтобы вид и размер конкретного наказания, назначенного судом, был максимально действенным для достижения цели, необходимо, по крайней мере, обеспечить суд достаточно обоснованной, достоверной и подлинной информацией относительно мотивов будущего поведения осужденного в процессе реализации наказания и после него, а также степени удерживающего воздействия судебного приговора на граждан. Представляется, что этого можно добиться путем прогнозирования результатов уголовного наказания. Процесс такого прогнозирования начинается со стадии подготовительного заседания судебной деятельности и продолжается до вынесения приговора. В связи с этим необходимо остановиться еще на одном вопросе. Зависимость результатов уголовного наказания от условий будущего приводит к тому, что уже в момент его назначения порождается необходимость будущего его корректирования. Оно осуществляется на основе появившихся и возникших обстоятельств, фактов (но не вновь открытых), после вынесения приговора, в процессе его реализации. Такие факты породила реализация приговора. Их появление не может оставить решение о наказании без изменения, - иначе будет затруднено достижение цели наказания [26, с. 17]. Появление таких обстоятельств не свидетельствует о незаконности приговора, и корректирование последнего требуется не в связи с ошибочностью его решения о наказании, а вследствие незнания условий будущего, в котором будет происходить реализация уголовного наказания.

А.С. Михлин пишет: «Суд понимает, что решает задачу с рядом неизвестных, но исходит из необходимости ее решения. Трудность его положения заключается еще и в том, что, назначив недостаточное наказание, он предопределяет освобождение не исправившегося преступника, который может совершить новое преступление, причинить дополнительный вред интересам государства и граждан. С другой стороны, назначение слишком длительного наказания приведет к тому, что в местах лишения свободы будут находиться лица, в отношении которых цели наказания уже достигнуты. Этим будет нарушен принцип экономии репрессии. Законодатель понимает трудности, стоящие перед судом, и предусматривает возможность корректировки наказания в стадии его исполнения» [14, с. 65]. Могут быть различные причины для корректирования приговора.

Во-первых, продолжительность назначенного наказания может быть прервана:

- а) если осужденный докажет свое исправление и перевоспитание до истечения назначенного ему срока наказания и условно-досрочно освободится;
- б) по болезни, по амнистии и помилованию.

Во-вторых, может быть изменено содержание назначенного судом наказания:

а) при замене неотбытой части наказания более легким, если осужденный докажет, что исправился;

б) при условном освобождении осужденного с обязательным привлечением к труду;

в) при изменении условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы, в зависимости от поведения и отношения к труду, как в пределах одного ИТУ, так и путем перевода в другие ИТУ. Назначение не подлежащего корректированию изменению в будущем наказания на целые годы является нецелесообразным и неэффективным.

«Социолог, юрист, врач-нарколог или психиатр, прогнозирующие поведение конкретных лиц, должны быть всегда готовы к пересмотру своих предположений, не подтверждающихся в действительности. Прогноз ни в коем случае не может заменить конкретных оценок фактического поведения, он только помогает построить версии о возможном (наиболее вероятном) поведении данного человека в будущем, с тем, чтобы вовремя принять профилактические меры» [27, с. 151].

В связи с этим, мы сталкиваемся с проблемой неопределенного приговора, суть которого заключается кратко в следующем. Суд не фиксирует здесь в общих чертах срока наказания. Срок этот устанавливается, смотря по тому, была ли достигнута цель наказания в отдельном случае или нет. А это возможно определить, естественно, только в процессе исполнения наказания. Иначе говоря, при назначении такого наказания устанавливается лишь его максимальный срок, за пределами которого государство не вправе ограничивать свободу данного лица. Фактически это означает, что преступника предупреждают: «Веди себя в заключении как положено, и мы скоро освободим тебя». Теоретически отказ суда от определения точного срока наказания означает, с одной стороны - стимулирование осужденных к исправлению, а с другой - исключение возможности содержания в местах лишения свободы уже исправившихся и не представляющих опасности для общества лиц.

Р. Кларк пишет: «Если целью является социальное восстановление личности преступника, то средством ее достижения может быть только неопределенное наказание, которое предполагает программу социального восстановления личности, учитывающую способности каждого осужденного. Профессионально подготовленные работники исправительных учреждений могут при этом внимательно наблюдать за заключенным и освободить его в пределах установленного срока возможно раньше, в зависимости от состояния его личности и на условиях, разумно рассчитанных на то, чтобы гарантировать защиту общества» [9, с. 279].

Итак, по Р. Кларку, окончательный срок пребывания осужденному должны определять администрация мест заключения.

В свое время Ф.Ф. Лист предлагал создать организацию должности, о которой идет речь, приблизительно, следующим образом: пять членов - начальник тюрьмы, прокурор, судебный следователь и два доверенных от правительства лица, назначаемые на время от двух до пяти лет. Именно эта группа и должна определять срок пребывания осужденного в заключении, в зависимости от его поведения.

Э. Ферри рекомендовал создать комиссию по исполнению неопределенных приговоров, состоящую из экспертов по уголовной антропологии, судьи, прокурора, защитника и административных лиц, которая могла бы таким образом продолжать заботиться об осужденном.

Одним словом, идея неопределенного приговора состоит в том, чтобы отнять право назначения конкретного наказания у судей и передать его другому субъекту - не имеет значения как его именовать.

Что это даст в плане назначения справедливого наказания?

Сторонники неопределенного приговора полагают, что таким образом мы сможем освободиться от предвзято настроенных или безграмотных судей. Кроме того, это даст возможность более конкретно определить размер наказания, необходимого для исправления осужденного, ибо этот процесс исполнения наказания всегда будет находиться под наблюдением специального органа. Такая логика совершенно оправдана тем, что суд, действительно, отправляет в места лишения свободы осужденного с приговором на определенный срок наказания, даже толком его не зная. Поэтому, если администрация мест лишения свободы благодаря своему наблюдению убедится, что суд ошибся в определении срока наказания, то все же он не имеет никакого права выступить со своими возражениями. В принципе, у нас, где выносятся приговоры с конкретным сроком наказания, сохраняется некоторая степень неопределенности, поскольку заключенный примерным поведением может заслужить значительного сокращения срока лишения свободы.

Отрицательная черта неопределенного приговора состоит в том, что эта идея значительно уменьшит устрашительную силу наказания, ибо она направлена, в первую очередь, к стремлению раньше освободить заключенного из мест лишения свободы. Этот институт будет работать на осужденного, а не на предупреждение преступности со стороны других посредством угрозы реального исполнения назначенного наказания. Нельзя также забывать, что преступники, как правило, народ «ушлый», поэтому они всячески будут «лезть из кожи», чтобы администрация или та или иная комиссия поверила в его исправимость. Наконец, следует учитывать, что «неопределенность» постоянно будет держать психику заключенного в напряжении, что, безусловно, надо понимать как форму насилия, не менее эффективную, чем голодный рацион, карцер и т.д.

Мы согласны с тем, что крайняя ненормальность нынешнего законодательства состоит не только в том, что наши судьи не в состоянии соразмерять наказание с преступлением, а также в том, что они, постановляя свои приговоры, почти не знают подсудимого и совсем не имеют никакого представления об исполнении наказания. Судья сам должен наблюдать над исполнением своего приговора и принимать участие в решениях, связанных с дальнейшей судьбой заключенного. Кроме того, ничто не препятствует тому, чтобы создать специальные правильно организованные группы (должность, службы) с официальным статусом. В их состав желательно было бы включить: независимых юристов, психологов, медиков, социологов, педагогов. Им необходимо поручить помочь суду окончательно определить срок наказания. Неделями, месяцами, если это потребует, члены группы, посредством личных контактов с подсудимым, должны выработать основания суждения о наказании, о возможных вариантах его поведения после назначения наказания.

Однако этого еще не достаточно, ибо задача индивидуального судебного прогнозирования сводится не только к предсказанию ожидаемого поведения, но и к установлению факторов (условий, ситуаций, обстоятельств), которые бы способствовали или, наоборот, могут препятствовать правильной организации процесса карательно-воспитательного воздействия.

В индивидуальном судебном прогнозировании упор делается именно на индивидуальность. Г.А. Аванесов отмечает: «...Индивидуальное прогнозирование основывается на непо-

вторимой индивидуальности конкретной личности и относительной самостоятельности ее поведения, но поведения не в «застывшем» виде, а в «движении» от прошлого к настоящему и от него к «будущему» [2, с. 381]. Особо следует подчеркнуть, что при судебном прогнозировании речь должна идти не об однозначном прогностическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения подсудимого.

С точки зрения практических возможностей прогнозирования социального поведения подсудимого мы ставим перед собой задачу выявить «прогностическую ценность» информации о различных состояниях предрасположенности осужденного к определенному поведению в специфически заданных условиях.

Возможность судебного прогнозирования позволит нам в какой-то мере решить достаточно сложную не только теоретическую, но и практическую проблему: обеспечение соразмерности между преступлением и наказанием в судебной деятельности.

Н. Кристи высказал совершенно правильную мысль: «Приговаривать людей, виновных в одинаковых преступлениях, к различным мерам воздействия... наказывать не за деяния, а в связи с условиями его совершения - значит нарушать фундаментальный принцип равенства и справедливости» [10, с. 7-8]. Это означает, что снятие, хотя бы даже частичное, с судей проблемы соразмерения наказания, является одной из важнейших задач сегодняшнего дня. Разрешение этой задачи имело бы своим последствием глубокий и весьма важный переворот во всех областях уголовного права и вызвало и обеспечило бы эффективную борьбу с преступностью.

Как известно, общественная опасность совершенного преступления и личности преступника оказывает существенное влияние на размер и вид наказания. А это значит, что должна существовать определенная зависимость между характером и степенью общественной опасности преступления и личностью преступника, с одной стороны, наказанием - с другой. Но любая зависимость должна иметь свои специфические единицы счета. Там, где нет единицы счета, там нет и учета, нет меры, а, следовательно, там властвует примитивный, бездоказательный и безответственный глазомер. Во всяком деле, также и в судебном, умение точно взвесить и измерить детали есть залог и гарантия возможности правильно решить дело. Например, врач, прописывая сильнодействующие лекарства, указывает в рецепте дозу, необходимую для больного. Если бы он вместо этого рекомендовал бы: «Принимать понемногу», то это привело бы к печальным последствиям. Это в полной мере относится и к судебной деятельности по назначению наказания. Характер и степень общественной опасности совершенного преступления и личности обязательно должны подлежать отражению, измерению и оценке через призму научно обоснованных представлений о целях и принципах назначения наказания. Конечно, мы не можем получить абсолютно точных математических данных о сравнительной тяжести различных преступлений и о требуемом соотношении между соответствующим преступлением и определенным видом, а также размером наказания. Но столь же очевидно и другое; в общей форме такие оценки и соизмерения производятся и в Уголовном законодательстве, и в судебной практике, хотя далеко не всегда безуспешно [21, с. 118]. Поэтому мы не можем согласиться с теми авторами, считающими обеспечение соразмерности между преступлением и наказанием «бессодержательной абстракцией», «схоластическими упражнениями». Исходя из этих посылок, вообще отрицается возможность как соизмерения характера и степени общественной опасности неоднородных преступлений, так и сравнительной оценки преступления и наказания. В результате форму-

лируется вывод, что справедливое наказание - это наказание целесообразное и ни в чем другом справедливость выражаться не может [24, с. 100]. На самом деле, на практике приходится сталкиваться с тем, что, с одной стороны, никакая норма не в состоянии охватить всего многообразия фактов, обстоятельств, вызывающих применение наказания, а с другой - судебное усмотрение, перейдя определенные границы, становится чревато опасностью вынесения ошибочных, а то и произвольных приговоров, в то время как речь идет о судьбе человека, хотя и преступника. Конечно, может быть для судьи, обвинителя большого значения не имеет, к какому сроку наказания он подлежит - 6 или 8 годам, однако 2 года лишения свободы для осужденного - это существенный факт.

Современная жизнь и уголовная политика требуют снятия, хотя бы даже частичной, с судей обязанности соразмерения наказания с совершенным преступлением. Разрешение это имело бы своим последствием глубокий и весьма важный переворот во всех областях уголовного права, вызвало и обеспечило бы плодотворную борьбу с преступностью [13, с. 31].

В.А. Никонов совершенно правильно отмечает, что «недооценка точных количественных методик дорого обходится нашему обществу. Так, уголовное право использует самый острый инструмент государственного принуждения - уголовное наказание... Мало сказать, что одно деяние (и лицо его совершившее) опаснее другого. В наказании должна найти выражение количественная характеристика: насколько конкретно опаснее. Можем ли мы при этом апеллировать только к «здравому смыслу», правосознанию конкретного правоприменителя? Важность вопроса, необходимость возможных последствий обуславливают необходимость исключительной точности ответа...» [18, с. 63-64].

Представляется, что речи об «исключительной точности» быть не может, ибо и конкретное преступление и личность его совершившая настолько многогранны, многообразны и сложны, что с математической точностью соразмерить с наказанием невозможно. Поэтому мы можем говорить лишь о максимальном и реальном соразмерении преступления и наказания. Уже давно в этой связи ставится два вопроса: можно ли обойтись без участия суда в соразмерности наказания?

И кто должен занять в этом отношении место суда?

Попытки использовать математические методы при назначении наказания предпринимались еще в XIX в. Так, И.Я. Фойницкий писал, что «существо справедливости состоит в причинении одному человеку точно того же, что он причинил другому; дело юстиции должно покрывать дело обиды и быть математически соразмерно с ним» [29, с. 18]. Первая попытка разработать математическую модель соразмерения преступления и наказания была предпринята уже в начале XX в. инженером Н.Д. Оранжевым, который в книге «Преступление и наказание в математической зависимости» отмечал, что по методам выработки приговора в части назначения наказания суд стоит на тех же основаниях, как и тысяча лет назад, и в данном отношении почти не прогрессировал. Отсутствие единообразного способа учета элементов и факторов приводит к тому, - писал автор, - что процесс назначения «сильно напоминает гадание на кофейной гуще».

Для преодоления этого автор предложил перейти к математическому сопоставлению обстоятельств, существенных для определения виновности. Всем преступлениям необходимо придать значение количественных эквивалентов соответственно санкциям, а для учета различных вариантов разработать специальные коэффициенты: например, при соучастии

главного участника - 1,0, подстрекателя - 0,90, укрывателя - 0,75; степень вины при полной осознанности оценивается в 1,0, ослабленной - 0,9, аффекта - 0,7 и т.д.

Далее можно вычислить индивидуальную сумму коэффициентов и с учетом эквивалента данного преступления, получить размер подлежащего назначению наказания [19]. Как видим, суть предложений Н.Д. Оранжевеева заключается в методе шкалирования. В русле этой идеи находятся и рекомендации В. И. Курляндского оценить в баллах, с одной стороны, определенную единицу меры наказания, а с другой - значимость критериев его назначения, относящихся к деянию и к личности. Деление суммы баллов, полученных в результате оценки критериев, на количество баллов, в которых оценивается единица меры наказания, даст показатель, который мог бы стать вспомогательным инструментом, облегчающим деятельность судей при принятии решений и помогающим избежать грубых ошибок при назначении наказания [12, с. 93-95].

Следует подчеркнуть, что в США имеется опыт применения балльной системы. С 1985 года Федеральные суды в США при назначении наказания должны руководствоваться не только соответствующим законодательством, но и рекомендациями комиссии по назначению наказаний, которая состоит из экспертов в различных областях права, экономики, психологии и действует как независимый орган в судебной системе США. Эта комиссия вычисляет уровень опасности преступления и категорию преступника (а их 43). Суд по таблице устанавливает минимальный и максимальный сроки наказания в виде лишения свободы в месяцах.

В.Л. Чубарев считает, что алгоритм перехода от качества (тяжести деяния и опасности личности) к количеству (индивидуальной мере наказания) неизвестен, но его можно оценить путем сравнения количественного выражения общественной опасности преступления как аргумента к количествам в наказании, выполняющим роль производной. Для решения этой задачи В.Л. Чубарев присвоил ряду показателей общественной опасности деяния, личности и обстоятельств совершения преступления оценки в баллах, и полученные результаты сопоставил с наказаниями, назначенными по конкретным делам. Оказалось, по ряду дел с одинаковыми суммами баллов были назначены существенно различные наказания, что свидетельствует о высоком уровне неопределенности при вынесении приговоров [32, с. 15, 23-29; 33, с. 123-125].

Д.О. Хан-Магомедов предложил, используя метод распознавания образов, при помощи ЭВМ выявить в количественном выражении степень общественной опасности и различных видов преступлений и тем самым найти оптимальные размеры санкций за них [30, с. 155-157].

На возможность использования компьютерной техники для формализации правил назначения наказания указывает норвежский ученый Н.Кристи, который пишет, что, если команда дана правильно, компьютер всегда назначает одинаковые меры по одинаковым делам, совершенно независимо от числа факторов, принимаемых во внимание, а судья должен только нажать кнопку [10, с. 62-63].

Он пишет: «Компьютеры располагают неограниченными возможностями. Они могли бы обеспечить порядок. Они могли бы соединить все значимые свойства индивидов и дать точный прогноз вероятности рецидива. В то же самое время они могли бы учесть все важные характеристики преступления, а также соответствующие смягчающие и отягчающие обстоятельства. Прежде всего, компьютер совершенен и непогрешим. Когда он правильно запро-

граммирован, он выдает четкие и ясные решения. После установления виновности, никому не нужно будет ожидать решения судьи, если в его распоряжении имеется какой-либо мини-компьютер. Это значит, что случайность исключена из судебной практики» [10, с. 62-63].

А.С. Горелик не убежден в полезности формализованных правил назначения наказания: «Любое дело и каждая личность характеризуется индивидуальными особенностями, причем полностью запрограммировать их невозможно, и выигрыш от строго формализованных правил может оказаться меньшим, чем проигрыш из-за невозможности учесть какие-то особенности деяния и личности» [6, с. 33].

Имеются также явные противники применения математики, ЭВМ в судебном процессе. Так, И.М. Гальперин пишет: «Правосудие и арифметика, я бы сказал, - антиподы. Установить прецедент типа: украл триста рублей - год, шестьсот - два, - значит уничтожить принципы правосудия. Поэтому вполне возможно, одному преступнику, похитившему государственное имущество, будут назначены исправительные работы, а другому, причинившему такой же ущерб - лишение свободы. Оба приговора в этих случаях могут быть вполне справедливыми» [23].

Следует отметить, что законодателем, в принципе, установлены определенные законодательные рамки санкций и правила их применения, а в их пределах предоставлена возможность судьям избирать конкретные варианты. Однако А.М. Яковлев справедливо замечает, что, с одной стороны, никакая норма не в состоянии охватить всего многообразия фактов, вызывающих применение уголовного закона, а с другой - свобода усмотрения суда, перейдя за определенные границы, чревата опасностью вынесения ошибочных, а то и произвольных решений, т.е. жизнь показала неприемлемость обеих крайних позиций [34, с. 91]. С учетом этого предприняты попытки разработать систему рекомендаций для судов при назначении наказаний. Так, В. П. Нажимов предлагает с учетом степени общественной опасности выделить главные смягчающие и отягчающие обстоятельства, соответственно им разбить санкции на несколько ступеней, а при переходе от одной ступени к другой установить более или менее широкие пограничные области, в пределах которых наказание должно назначаться с учетом иных (не главных) смягчающих обстоятельств [17, с. 5-10].

Л.Л. Кругликов также признает необходимым выделить главные (особые) смягчающие и отягчающие обстоятельства, но предлагает другой способ их воздействия на размер наказания: установить меры их влияния относительно максимума санкции, например, при некоторых особых смягчающих обстоятельствах - не выше трех четвертей максимального размера статьи [11, с. 140-141].

По мнению А.С. Горелика, для назначения наказания более плодотворным было бы установление не абсолютно четких значений, а примерных ориентиров, как это сделано для мелкого хищения. Следовательно, критерии влияния обстоятельств на размер наказания должны сочетать формализованные ориентиры с возможностями отступления от них в пределах «пограничных зон», широта которых зависит от размера самого ориентира, а отступления допускаются при наличии каких-то конкретных обстоятельств с обязательной мотивировкой в приговоре. Этот метод соответствует относительному, колеблющемуся в некоторых пределах характеру объективной истинности размеров наказания и может применяться при индивидуализации наказания и за одно преступление, и по совокупности [6, с. 35; 7, с. 62-69].

Некоторые авторы стремятся создать квалификацию одновидовых преступлений по характеру и степени их конкретной общественной опасности. При этом наметились три основных подхода: одни авторы в качестве критерия для оценки правильности учета судом характера и степени общественной опасности преступления предложили использовать законодательную санкцию [31], другие – оценки [5], третьи – социальное содержание совершенных преступлений [25].

Но к настоящему времени мы не располагаем завершенной концепцией по рассматриваемой проблеме. Процедура измерения существенно зависит от свойств соизмеренного объекта. В силу разнохарактерности преступлений и нетождественности признаков, определяющих методики измерения последней, как правильно отмечают некоторые авторы, вряд ли возможно [21, с. 104-105]. Поэтому возможность эмпирического измерения общественной опасности представляется целесообразной в отношении каждого конкретного состава преступления.

При этом в качестве критерия общественной опасности могут выступать ее характер и степень, отражающие качественную и количественную сторону, которые свое суммарное выражение получают в мере общественной опасности.

Следует поэтому исходить из того, что характер и степень общественной опасности не могут быть подвергнуты измерению изолированно друг от друга. Вот почему неверно полагать, что степень общественной опасности – это то, что может быть измерено и выражено математически, в то время как характер определяется показателями (вооруженность – невооруженность, организованность – неорганизованность, предумышленность – непредумышленность и т.д.), не поддающимися количественному измерению [21, с. 97]. Оба критерия могут быть измерены как в количественном, так и в качественном плане, но только в совокупности. Поэтому основная задача теории судебной деятельности в настоящее время заключается в разработке теоретически правильных и практически реализуемых показателей, с помощью которых судьи могут определить общественную опасность преступления в целях максимальной индивидуализации наказания. Тут, конечно, без математики не обойтись. Только с помощью этой науки можно решить данную проблему.

Возможностям кибернетического исследования и применения кибернетических методов ко многим наукам, включая науку о государстве, не уделялось должного внимания.

«Сегодня совершенно невозможно даже приблизительно оценить эффект, который принесет всестороннее внедрение кибернетических методов и средств электронной автоматики во всех областях человеческой деятельности», – отмечал председатель научного совета по кибернетике Академии наук СССР, академик Берг [35, с. 15-84]. И подобно тому, как создание машины в свое время многократно увеличило физические возможности человека, сделало его сильнее, так и появление и развитие кибернетики усилило его умственные способности, можно сказать, сделало умнее. Трудно найти такую область умственной деятельности человека, которую полностью или частично со временем нельзя было бы переложить на машину [1, с. 158].

Отмеченные тенденции в соотношении функций человека и автоматических устройств в системах управления определяют и актуальность постановки вопроса об использовании технических средств кибернетики в правореализующей деятельности, необходимость экспериментов в этом направлении [22, с. 203]. И то обстоятельство, что между юриспруденцией и кибернетикой в ряде пунктов устанавливаются деловые контакты, и эти контакты все бо-

лее крепнут, что само по себе свидетельствует об органическом единстве прав с новейшими сферами знаний и практической деятельности [3, с. 175-176].

Сейчас общепринятым считается установка на то, что ЭВМ могут использоваться как помощники человека в реализации норм права, что вывод машины следует рассматривать не как окончательное решение, а лишь как «мнение» высококвалифицированного «консультанта», способного обеспечить запросы государственных органов и учреждений [15, с. 25; 8, с. 30].

Нужно признать, что исследование возможностей использования кибернетических методов в юридической науке необходимо, реально и перспективно. Оно может проводиться либо в сотрудничестве с другими специалистами, либо только юристами в специфических вопросах государства и права, таких, например, как вопросы законодательной техники, судопроизводства, первоначальных следственных действий и т. д.

Академик В.М. Глушков писал: «Нет, однако, сомнений, что в недалеком будущем кибернетические методы и машины будут играть более существенную роль и в практической работе юристов. Сейчас в разработке проблемы применения кибернетики в юридической науке и практике вместе с учеными-юристами участвуют математики, социологи, философы, экономисты, работники суда, органов прокуратур, внутренних дел. И это не случайно, ибо внедрение достижений кибернетики в практику юридических учреждений - задача весьма сложная. Она требует большой предварительной работы» [22, с. 3-4].

При решении вопроса о предпосылках использования кибернетических методов в судебной деятельности по назначению наказания речь идет, фактически, о трех совершенно неравноценных и нетождественных вопросах. С одной стороны, - это вопрос о возможности использования кибернетических методов в этой области. С другой - о тех границах, за пределы которых кибернетика в судебной деятельности выйти не может. Наконец, это вопрос относительно полезности использования кибернетических методов в процессе назначения наказания, т. е. не о том, возможно ли вообще их использование, а о том, может ли оно быть эффективным, полезным, не окажется ли это самоцелью, оправдает ли себя такое использование кибернетических методов. Исследование в области применения кибернетики в судопроизводстве, в частности, при назначении наказания, находится пока еще в зачаточном состоянии, и в настоящий момент применение его результатов в достаточно больших масштабах на практике является еще отдаленной перспективой.

В данном случае это исследование исходит из потребностей развития самой этой проблемы, требующей, прежде всего, решения трудных теоретических и методологических вопросов. Попытки приступить к изучению возможности применения кибернетических методов в судебной деятельности по назначению наказания предлагает вместе с тем также и необходимость выявления того, какие результаты и какие методы кибернетики здесь могут быть использованы, в какой степени возможно их использование и в какой форме это может быть сделано. Применение кибернетики в судебной деятельности — это не применение по готовым рецептам. Оно не является пассивным использованием достигнутых результатов кибернетического исследования, а, наоборот, в известной степени это применение творческое, обогащающее не только область применения наказания, где используют результаты кибернетического исследования и методы кибернетики, но могущее привести к некоторым новым оценкам и в самой кибернетике. Исследование возможностей применения кибернетики в судебной деятельности и, в частности, доведение общих и теоретических поло-

жений и выводов до их конкретного использования на практике предполагает широкое сотрудничество юристов, логиков, математиков, кибернетиков, техников и т.д. Уже первое приближение к этим проблемам показывает, что решение вопроса о возможности использования кибернетических методов в практике назначения наказания потребует весьма трудоемких и сложных логических анализов.

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли существование так называемого «электронного судьи»? Во многих отношениях машина имеет гораздо больше возможностей, чем человек. Так, например, она характеризуется беспристрастностью, способностью решать сложные логические задачи, иметь колоссальный массив информации, умение быстро сориентироваться в данной ситуации и т.д. Конечно, все эти качества очень необходимы для судьи, но кибернетика не может заменить мыслящего человека, которому поручено судить поступки других людей.

Почему?

Во-первых, потому что судебный процесс - не технический механизм, а реальная область жизни и восприимчивый организм, в котором лица, участвующие в деле, вступают в определенные, временные взаимоотношения, регулируемые нормами права. Он должен быть организован таким образом, чтобы всякий, могущий здраво судить о явлениях окружающей жизни, мог бы без всякого затруднения судить и о судебном процессе. Судебное разбирательство - процесс не только юридический, но и психолого-педагогический, где сталкиваются люди не только с различными правами и обязанностями, но нередко с диаметрально противоположными характерами, жизненными позициями, мировоззрениями, судьбами и т.д.

В процессе судебного следствия судья встречается со многими психологическими вопросами, которые накладывают свой отпечаток на всю судебную деятельность и требуют от него определенных знаний в области психологии. Судья может прекрасно разбираться в области юриспруденции, но если он не умеет работать с людьми, не владеет психологическим тактом и не знает принципов педагогики, в суде будут нарушаться взаимоотношения между участниками и возникать конфликты. Педагогический такт - умение быстро устанавливать правильные взаимоотношения с участниками процесса, которые наилучшим образом способствовали бы выполнению задач правосудия. Для того, чтобы правильно строить линию своего поведения, судья должен стараться быстро определить психологию людей, без лишних вопросов выявлять мотивы и цели, внутреннее состояние и характер человека. Он должен быть наблюдаемым, находчивым, уметь быстро и гибко менять линию поведения в зависимости от внешне малозаметных признаков поведения допрашиваемых и находить психологически правильные приемы ведения судебного разбирательства. Любой из присутствующих в зале, так или иначе, будет контролировать каждое действие судьи. Даже самые сложные и совершенные электронные устройства не в силах проникнуть в глубины человеческой психики. Только человек способен разобраться в этом и вынести свое решение. В этом его колоссальное преимущество перед машиной.

Люди есть люди. И недопустимо, чтобы отношения между ними разбирали машины.

Во-вторых, «электронный судья» не сможет назначить справедливое и целесообразное наказание.

«Электронный судья» очень легко может установить, например, что за действия, подпадающие под ту или иную ст. УК следует наказание в виде лишения свободы от 8 до 15 лет,

или пожизненное заключение. Такое умозаключение машины будет в соответствии с правилами формальной логики истинным.

Формально-логическое умозаключение направлено на установление отношения между гипотезой и санкцией нормы, т. е. между преступлением и абстрактной уголовной мерой наказания (от 8 до 15 лет лишения свободы). Но для практической реализации содержания Закона одного формально-логического умозаключения недостаточно. Общие начала назначения требуют диалектического умозаключения, т.е. индивидуализации уголовной ответственности. А это значит, что при конкретном определении наказания в судебном приговоре предусмотренные в гипотезе нормы преступления, не могут быть, конечно, единственной посылкой. Здесь решающее значение будут иметь и другие обстоятельства, которые, если быть точным, тоже следует отнести к гипотезе нормы, а именно: степень общественной опасности конкретного деяния, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Формальная логика может сама по себе с уверенностью привести «электронного судью» только к определению абстрактной уголовно-правовой санкции, т.е. допустимых пределов наказания. В противоположность этому решение о конкретном назначении наказания внутри пределов санкций - это уже дело не только формальной логики, а вопрос диалектической оценки всех обстоятельств. Если «электронным судьей» установлено наказание, например, в виде лишения свободы сроком на 5 лет, его вывод логичен, но это еще не значит, что он является правильным, а, следовательно, ставится под сомнение и обоснованность приговора. Ведь не исключено в данном случае, что при правильной диалектической оценке должно было быть наложено наказание на самом низшем пределе срока: 2 года лишения свободы или же, наоборот, максимальная мера наказания. Вся беда заключается в том, что «электронному судье» без ограничения доступны отношения формально-логические. Что касается диалектических отношений, то ему они, практически, неизвестны. Вот почему машина не может заменить человека-судью, ибо применение диспозиции и санкций правовых норм есть исключительная прерогатива человека, результат его волеизъявления, его рассудочной оценочной деятельности [22, с. 209].

М.С. Строгович правильно пишет, что «следует категорически исключить какую-либо механизацию в разрешении судом вопроса виновности и степени ответственности привлеченных по уголовному делу лиц... возложение, хотя бы частичное или предварительное на электронно-вычислительные машины функции отвечать на вопросы о том, доказано ли, что обвиняемый виновен в совершении преступления и несет за него ответственность и какова степень его ответственности» [28, с. 308].

Заявление о возможности создания кибернетических машин, заменяющих хотя бы в какой-то мере судью, было подвергнуто резкой критике Д.А. Керимовым, И.И. Мухиным.

В судебной деятельности по назначению наказания машина может оказать судье исключительно большую помощь в плане получения, хранения, переработки информации относительно будущего результата уголовного наказания. Информация, как известно, перерабатывается на самых различных уровнях, самыми различными путями и средствами. Основная задача ЭВМ в процессе прогнозирования заключается в обеспечении судьи нужной ему информацией о будущем результате наказания. Таким образом, складывается информационное взаимодействие между судьей и ЭВМ. Не подменяя судью, электронные машины могут давать ему рабочий материал, а иногда даже предварительные выводы, которые должны рассматриваться как мнение по делу высококвалифицированного консультанта. «Творчество

человека, усиленное машинным мозгом, поднимается на новую высоту благодаря тому, что человек освобождается от выполнения рутинных операций, получает возможность непосредственно в ходе решения управленческих и других задач проверять те или иные гипотезы или мысленные эксперименты, вносить коррективы в ход своих мыслей и поступков», - отмечает В.Г. Афанасьев [4, с. 308]. В конечном итоге вся работа с информацией о будущем уголовного наказания, призванная выполнять ЭВМ, ориентирована на судью, который должен принять решение. Именно на суд ложится вся полнота ответственности за принятое решение: она не может быть передана ЭВМ. Главное то, что математическая формула модели позволяет человеку привлечь для анализа будущего невиданного ранее отличного помощника, имя которого - ЭВМ.

В итоге складывается целостная система «Суд - ЭВМ», которая способна решать задачи, которые ни суд, ни машина сама по себе решить полностью не в состоянии. При этом с особой силой следует отметить, что никакой самый удивительный прогресс электронно-вычислительной техники не может умалить роли человека. Человек был, есть и навсегда останется центральным звеном системы «Человек - ЭВМ», как бы совершенна ЭВМ ни была. Человек - творец машины. Человек задает машине программу, контролирует варианты действий и выбирает наилучший из них. Человек придает решению законную юридическую силу. Поэтому мы никак не можем согласиться с норвежским ученым Н. Кристи, предлагающим вообще «устранить человека из данного процесса (имеется в виду процесс назначения наказания), передав все функции назначения наказания ЭВМ» [10, с. 62-65].

Итак, как видим, рекомендуют различные варианты (модели) решения вопроса в отношении соразмерения наказания с преступлением. И это связано с тем, что современная система назначения наказания, не основанная ни на каких реальных, практически приемлемых принципах, не выдерживает критики. Но, к сожалению, существующие на сегодня варианты соразмерности наказания не могут быть приняты по нескольким основаниям. Во-первых, все они теоретически выглядят довольно интересно и привлекательно. Однако они слишком сложны и не практичны, поэтому вряд ли наши судьи смогут ими воспользоваться. Но это не самое главное. Вся проблема заключается в прогностической сущности самого наказания. Ведь наказание - это не только воздаяние за содеянное, которое в какой-то мере возможно соизмерить, а взгляд на будущее, т.е. наказание преследует цель предупреждения преступности на будущее. Поэтому до тех пор, пока мы не сможем прогнозировать будущие результаты наказания, мы не в состоянии будем решить вопрос о соразмерности преступления и наказания.

Библиография

1. Абчук В.А. Торпеда капитана Немо. – Л.: Детская лит., 1980. – 188 с.
2. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 526 с.
3. Алексеев С.С. Право и наша жизнь. – М.: Юрид. лит., 1978. – 224 с.
4. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. – М.: Изд-во Полит. лит., 1975. – 408 с.

5. Блувштейн Ю.Д. Об оценке степени общественной опасности преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 15.
6. Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм: Учеб. пособие. – Красноярск: КГУ, 1996. – 67 с.
7. Горелик А.С. Установление количественных ориентиров как метод формализации оценочных признаков в уголовном праве // Реализация уголовной ответственности: уголовно-правовые и процессуальные проблемы. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев, 1987. – С. 62-69.
8. Иванов В.И., Москвин С.С. Использование электронно-вычислительной техники в применении правовых норм // Советское государство и право. - 1967. - № 12. – С. 37-48.
9. Кларк Р. Преступность в США. – М.: Прогресс, 1975. – 422 с.
10. Кристи Н. Пределы наказания. - М.: Прогресс, 1985. – 176 с.
11. Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 166 с.
12. Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности. Основные направления борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 77-95.
13. Лист Ф.Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – М.: Инфра-М, 2008. – 106 с.
14. Михлин А.С. Условное и условно-досрочное освобождение: соотношение, применение и правовая природа. – В кн.: Проблемы совершенствования исправительно-трудового законодательства и деятельности органов, исполняющих наказание. – М.: 1981
15. Москвин С.С. Достижение кибернетики – на службу права // Советская юстиция. 1968. - № 2.
16. Надь Лайош. Приговор в уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1982. – 222 с.
17. Нажимов В.П. Справедливость наказания – важнейшее условие его эффективности // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. – Калининград, 1973. Т. 2. – С. 2-10.
18. Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. – Тюмень: Юрид. ин-т МВД России, 2000. – 236 с.
19. Оранжев Н.Д. Преступление и наказание в математической зависимости. Идея и схема применения. – М: Типо-литогр. Т-ва Кушнеров и Ко, 1916. – 71 с.
20. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Аксиологические аспекты. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 134 с.
21. Осипов П.П. Комплексное изучение системы воздействия на преступность. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 149 с.
22. Основы применения кибернетики в правоведении. Учеб. пособ. Под ред. Н.С. Полевого и Н.В. Витрука. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 231 с.
23. Правосудие и арифметика. Известия. 1986, 15 августа.
24. Ременсон А.Л. Индивидуализация наказания и уголовный закон. Ученые записки Томского государственного ун-та. - 1957. - № 33. - С. 100-105.
25. Сахаров А.Б. О классификации преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 17.

26. Свиридов М.К. Сущность и предмет исполнения приговора. – Томск: Изд-во Томского университета, 1978. – 225 с.
27. Социальные отклонения. Введение в общую теорию / В.Н. Кудрявцев и др. – М.: Юрид. лит., 1984. – 320 с.
28. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М.: Наука, 1968. – 468 с.
29. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М.: Городец, 2000. – 464 с.
30. Хан-Магомедов Д.О. Математические методы изучения преступности и практики применения наказаний при разработке проблем уголовной политики // Основные направления борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 141-162.
31. Хан-Магомедов Д.О. Санкции уголовно-правовых норм и практика применения наказаний // Вопросы борьбы с преступностью. М.: 1976. Вып. 25. – С. 67-77.
32. Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказания. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – 96 с.
33. Чубарев В.Л. Измерения в уголовном праве // Криминология и уголовная политика. – М.: ИГиП АН СССР, 1985. – С. 123-125.
34. Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основание уголовной ответственности // Сов. гос. и право. 1982. № 3. – С. 88-93.
35. Nova mysc. 1961. - С. 15-84.

Rahimov I.M.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.68.122-138

UDC 343.9

Forecasting and the problems of sentencing appointment

Abstract: Modern life and criminal policy require the removal, even if only partially, from judges of the duty of commensurate punishment with the crime committed. This permission would have resulted in a profound and very important revolution in all areas of criminal law, and would have caused and ensured a fruitful fight against crime.

Keywords: punishment; forecasting; sentence; court; convicted; uncertainty.

References

1. Abchuk V.A. *Torpeda kapitana Nemo* [Captain Nemo's torpedo]/ Leningrad, Detskaya literatura Publ., 1980, 188 p.
2. Avanesov G.A. *Kriminologiya i sotsial'naya profilaktika* [Criminology and social prevention]. Moscow, Akad. MVD SSSR Publ., 1980, 526 p.
3. Alekseev S.S. *Pravo i nasha zhizn'* [Law and our life]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1978, 244 p.

♦ **Rahimov Ilham Mammadhasan oglu** – Academician of the RAS, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Jurist of Azerbaijan Republic, a member of the Council of the IOLR (Azerbaijan). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

4. Afanasyev V.G. *Sotsial'naya informatsiya upravlenie obshchestvom* [Social information and management with society]. Moscow, Polit. lit. Publ., 1975, 408 p.
5. Bluvshstein Yu.D. *Ob otsenke stepeni obshchestvennoy opasnosti prestupleniy* [On assessment of level of public danger of crimes]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu*. Moscow, 1972. Issue 15.
6. Gorelik A.S. *Konkurentsia ugovovno-pravovykh norm*. Ucheb. pos. [Competition of criminal legal norms]. Teaching aid. Krasnoyarsk, KGU Publ., 1996, 67 p.
7. Gorelik A.S. *Ustanovlenie kolichestvennykh orientirov kak metod formalizatsii otsenochykh priznakov v ugovovnom prave* [Establishing of qualitative marks like a method of formalization assessed signs in criminal law]. *Realizatsiya ugovovnoy otvetstvennosti: ugovovno-pravovye i protsesual'nye problemy*. Mezhevuzovski sbornik statey. Kuibyshev, 1987, pp. 62-69.
8. Ivanov V.I., Moskvina S.S. *Ispol'zovanie elektronno-vychislitel'noy tekhniki v primeneni pravovykh norm* [The use of electronic computing technology in the application of legal norms]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1967. No. 12, pp. 37-48.
9. Clark R. *Prestupnost' v SShA* [Crime in the USA]. Moscow, Progress Publ., 1975, 422 p.
10. Christy N. *Predely nakazaniya* [The Limits of Punishment]. Moscow, Progress Publ., 1985, 176 p.
11. Kruglikov L.L. *Smyagchayushie i otyagchayushie otvetstvennost' obsoyatel'stva v ugovovnom prave* [Mitigating and aggravating circumstances in criminal law]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1985, 166 p.
12. Kurlyandski V.I. *Ugovovnaya politika, differentsiatsiya i individualizatsiya ugovovnoy otvetstvennosti. Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu* [Criminal policy, differentiation and individualization of criminal liability. The main directions of the fight against crime]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975, 77-95.
13. List F.F. *Zadachi ugovovnoy politiki. Prestuplenie kak sotsial'no-patologicheskoe yavlenie* [Tasks of criminal policy. Crime as a social pathological phenomenon]. Moscow, Infra-M Publ., 2008, 106 p.
14. Mikhlin A.S. *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie: sootnoshenie, primeneniye i pravovaya priroda* [Conditional and parole: correlation, application and legal nature]. Moscow, 1981.
15. Moskvina S.S. *Dostizhenie kibernetiki – na sluzhbu prava* [Achievement of cybernetics - at the service of law]. *Sovetskaya yustitsiya*. No. 2.
16. Nad Layosh. *Prigovor v ugovovnom protsesse* [Judgment in criminal process]. Moscow, Yurid. lit., 1982, 222 p.
17. Nazhimov V.P. *Spravedlovost' nakazaniya – vazheyshee uslovie ego effektivnosti* [Justice of punishment is the most important condition for its effectiveness]. *Voprosy organizatsii suda i osuschestvleniya pravosudiya v SSSR*. Kaliningrad, 1973. Vol. 2, pp. 2-10.
18. Nikonov V.A. *Ugovovnoe nakazanie. Poisk istiny* [Criminal punishment. Search for truth]. Tyumen: Yurid. in-t MVD Rossii, 2000, 236 p.
19. Oranzhirev N.D. *Prestuplenie i nakazanie v matematicheskoy zavisimosti. Ideya i skhema primeneniya* [Crime and punishment in mathematical dependence. Idea and scheme of application]. Moscow, Tipolitografiya Tov. Kushnerov and Ko, 1916, 71 p.
20. Osipov P.P. *Teoreticheskie osnovy postroeniya i primeneniya ugovovno-pravovykh sanktsiy. Aksiologicheskie aspekty* [Theoretical foundations for the construction and application of criminal law sanctions. Axiological aspects]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1976, 134 p.

21. Osipov P.P. *Kompleksnoe izuchenie sistemy vozdeystviya na prestupnost'* [Comprehensive study of the system of influence on crime]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1978, 149 p.
22. *Osnovy primeneniya kibernetiki v pravovedenii*. Ucheb. posob. Pod red. N.S. Polevogo i N.V. Vitruka [Fundamentals of the use of cybernetics in jurisprudence. Teaching aid. Ed. by N.S. Polevoy and N.V. Vitruk]. Moscow, Moscow University Publ., 1977, 231 p.
23. *Pravosudie i arifmetika* [Justice and arithmetic]. Izvestiya. 1986, 15 August.
24. Remenson A.L. *Individualizatsiya nakazaniya i ugolovny zakon* [Individualization of punishment and criminal law]. Uchenye zapiski Tomskogo gos. universiteta, 1957. No. 33, pp. 100-105.
25. Sakharov A.B. *O klassifikatsii prestupleniy* [On classification of crimes]. Voprosy bor'by s prestupnost'yu. Moscow, 1972. Issue 17.
26. Sviridov M.K. *Suschest' i predmet ispolneniya prigovora* [Essence and subject of judgement execution]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1978, 225 p.
27. *Sotsial'nye otkloneniya. Vvedenie v obschuyu teoriyu* [Social deviations. Introduction to general theory]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984, 320 p.
28. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa*. T. 1 [Course of soviet criminal process. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 468 p.
29. Foynitsky I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [Teaching on punishment in connection with penitentiary]. Moscow, Gorodets Publ., 2000, 464 p.
30. Khan-Magomedov D.O. *Matematicheskie metody izucheniya prestupnosti i praktiki primeneniya nakazaniy pri razrabotke problem ugolovnoy politiki* [Mathematical methods for studying crime and the practice of applying punishments in the development of problems of criminal policy]. Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975, pp. 141-162.
31. Khan-Magomedov D.O. *Sanktsii ugolovno-pravovyh norm i praktika primeneniya nakazaniy* [Sanctions of criminal legal norms and the practice of applying punishments]. Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu. Moscow, 1976. Issue 25, pp. 67-77.
32. Chubarev V.L. *Obschestvennaya opasnost' prestupleniya i nakazaniya* [Social danger of crime and punishment]. Moscow, VNII MVD SSSR, 1982, 96 p.
33. Chubarev V.L. *Izmereniya v ugolovnom prave* [Measurements in criminal law]. Kriminologiya i ugolovnaya politika. Moscow, IG i P AN SSSR, 1985, 123-125.
34. Yakovlev A.M. *Printsip sotsial'noy spravedlivosti i osnovanie ugolovnoy otvetstvennosti* [Principle of social justice and ground of criminal responsibility]. *Sov. gos i pravo – Sov. state and law*. 1982. No. 3, pp. 88-93.
35. Nova msc. 1961. - P. 15-84.